

ЗА ЧТО КРАСС ВОЗНЕНАВИДЕЛ ЦИЦЕРОНА (PLUT. CRASS. 13. 3–5)?*

О. В. Любимова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
lov800@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется сообщение Плутарха (Crass. 13. 5) о том, что Красс возненавидел Цицерона после эпизода с анонимными письмами, предупреждавшими о заговоре Катилины, которые были получены Крассом при странных обстоятельствах, переданы Цицерону и послужили основанием для принятия *senatus consultum ultimum*. Выдвинута гипотеза, что Красс считал автором писем самого Цицерона и рассматривал весь эпизод как его провокацию, цель которой – вбить клин между Крассом и заговорщиками и получить от сената чрезвычайные полномочия.

Ключевые слова: Красс, Цицерон, заговор Катилины, чрезвычайное постановление сената, *senatus consultum ultimum*, анонимные письма, Поздняя Римская республика

WHY CRASSUS HATED CICERO (PLUT. CRASS. 13. 3–5)?

Olga V. Lyubimova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
lov800@yandex.ru

Abstract. The article deals with the statement of Plutarch (Crass. 13. 5), according to which Crassus began to hate Cicero after receiving the anonymous letters warning about the Catiline conspiracy. The letters were delivered to Crassus under strange circumstances, transferred by him to Cicero and gave grounds for the passing of the *senatus consultum ultimum*. The hypothesis proposed here is that Crassus considered Cicero himself to be the author of the letters, and regarded the whole episode as his provocation with the aim of driving a wedge between Crassus and the conspirators and getting extraordinary powers from the senate.

Keywords: Crassus, Cicero, Catiline conspiracy, *senatus consultum ultimum*, anonymous letters, the Late Roman Republic

Данные об авторе: Любимова Ольга Владимировна – соискатель на кафедре истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета

* Данная статья является расширенной версией доклада, прочитанного на Международной научной конференции «XIX Сергеевские чтения» (Москва, МГУ им. Ломоносова, 2–4 февраля 2015 г.)

В жизнеописании Красса (13. 3–5), рассказывая о заговоре Катилины и событиях октября 63 г. (здесь и далее – до н.э.), Плутарх сообщает следующее: «Во время великих событий, [связанных] с Катилиной и едва не ниспровергнувших Рим, некое подозрение коснулось Красса, и выступил человек, назвавший [его] заговорщиком, [но] никто не поверил. Также и Цицерон в некоем произведении откровенен и возлагает вину на Красса и Цезаря. Но это произведение издано после смерти обоих, а в [сочинении] “О консульстве” Цицерон говорит, что ночью Красс пришел к нему, доставив письмо, сообщающее о Катилине, и таким образом подтвердив [существование] заговора. Красс же всегда ненавидел Цицерона из-за этого (διὰ τοῦτο)»¹.

За что же Красс ненавидел Цицерона? Ясно, что не за обвинения, опубликованные только после его смерти². Наиболее естественно истолковать текст в том смысле, что ненависть была вызвана инцидентом с письмом или рассказом Цицерона о нем в сочинении «О своем консульстве». Однако мог ли Цицерон изобразить помощь, добровольно оказанную ему в разоблачении заговора, как недостойный поступок и поставить его в вину Крассу? Это крайне маловероятно. И напротив, если на Красса падали подозрения в соучастии в заговоре, такое свидетельство Цицерона было бы ему очень полезно.

Исследователи разрешают эту трудность разными способами. А. Гардзетти предположил, что в сочинении «О своем консульстве» Цицерон, по мнению Красса, несвоевременно и неосторожно разгласил сведения, раскрывавшие какие-то темные стороны деятельности тех или иных лиц в этот тяжелый период³. Однако, как следует из других источников (Plut. Cic. 15; Dio Cass. XXXVII. 31. 1, подробное рассмотрение см. ниже), Красс намеренно явился к Цицерону со свидетелями, а на следующий день это письмо было зачитано на заседании сената – следовательно, он не стремился скрывать свои действия. Предложенное А. Гардзетти объяснение выглядит весьма неопределенным, и исследователь добавляет к нему, что Плутарх, возможно, преувеличивает вражду Красса к Цицерону и неверно ее объясняет, так как ее главной причиной было сотрудничество Цицерона с Помпеем⁴. Б. Маршалл также предполагает у Плутарха путаницу: возможно, в сочинении «О своем консульстве» Цицерон включил какие-то иные обвинения или оскорбления в адрес Красса, и именно они, а не рассказ о переданном письме, вызвали его

¹ Ἐν δὲ τοῖς περὶ Κατιλίαν πράγμασι μεγάλοις καὶ μικροῦ δεήσασιν ἀνατρέψαι τὴν Ῥώμην ἦψατο μὲν τις ὑπόνοια τοῦ Κράσσου, καὶ προσήλθεν ἄνθρωπος ὀνομάζων <...> ἀπὸ τῆς συνωμοσίας, οὐδεὶς δ' ἐπίστευσεν. Ὅμως δ' ὁ Κικέρων ἐν τινὶ λόγῳ φανερός ἐστι καὶ Κράσσῳ καὶ Καίσαρι τὴν αἰτίαν προοσιβόμενος. ἄλλ' οὗτος μὲν ὁ λόγος ξεδόθη μετὰ τὴν ἀμφοῖν τελευτήν, ἐν δὲ τῇ Περί τῆς ὑπατείας ὁ Κικέρων νύκτωρ φησὶ τὸν Κράσσον ἀφικέσθαι πρὸς αὐτόν, ἐπιστολὴν κομίζοντα <τὰ> περὶ τὸν Κατιλίαν ἐξηγουμένην ὡς ἤδη βεβαιοῦντα τὴν συνωμοσίαν. ὁ δ' οὖν Κράσσος αἰεὶ μὲν ἐμίσει τὸν Κικέρωνα διὰ τοῦτο. В русском переводе В.В. Петуховой последние слова данного пассажа διὰ τοῦτο переведены не как «из-за этого», а как «с тех пор», что представляется неточным (Plutarch 1963, 247).

² По-видимому, речь идет о сочинении Цицерона «О своих замыслах» (ср. Dio Cass. XXXIX. 10. 2–3), хотя Э. Роусон полагает, что слово λόγος, употребленное Плутархом, указывает скорее на какую-то речь Цицерона: Rawson 1991, 409 (переиздание статьи 1982 г.). Аргументы в пользу отнесения этого пассажа к сочинению «О своих замыслах» см. Moles 1982.

³ Garzetti 1996, 122. Это сочинение было опубликовано в 60 г. (Cic. Att. II. 1. 1).

⁴ Garzetti 1996, 122.

ненависть⁵. Дж. Рэмси считает, что в связи с данным письмом Цицерон бросил на Красса какие-то подозрения в сообщничестве с заговорщиками⁶ — однако Плутарх, по-видимому, ничего об этом не знает, так как явно противопоставляет обвинения в адрес Красса в посмертной публикации Цицерона и его же рассказ об эпизоде с письмами в сочинении «О своем консульстве» (Ἀλλ' οὗτος μὲν ὁ λόγος ἐξεδόθη μετὰ τὴν ἀμφοῖν τελευτήν, ἐν δὲ τῷ Περὶ τῆς ὑπατείας...).

Другие исследователи связывают διὰ τοῦτο Плутарха не с сочинением Цицерона «О своем консульстве» и не с эпизодом с письмом, а с иными обстоятельствами. К. Пеллинг предполагает здесь намек на взаимные подозрения и недоверие, вызванные тем, что Цицерон считал Красса причастным к заговору, но обнаружившиеся только в посмертно опубликованном сочинении Цицерона. Однако Пеллинг отмечает, что Плутарх здесь не слишком заботится о логике и мог бы выразаться яснее⁷. М. Бертинелли полагает, что Плутарх имеет в виду обвинения в причастности к заговору Катилины, которые Цицерон предъявлял Крассу⁸. Данное объяснение перекликается со свидетельством Саллюстия (Cat. 48. 8–9) о том, что, по мнению Красса, Цицерон стоял за спиной доносчика Тарквиния, который в сенате обвинил его в причастности к заговору (о данном эпизоде см. ниже). Но если принять эту версию, то рассказ Плутарха выглядит еще более спутанным и бессвязным: упомянув доносчика вне всякой связи с Цицероном⁹, он переходит к обвинениям, которые Цицерон предъявил Крассу после его смерти, затем излагает историю с письмом, рассказанную им в сочинении «О своем консульстве», а затем при помощи оборота διὰ τοῦτο возвращается на два шага назад, никак этого не поясняя.

Таким образом, все предложенные интерпретации данного пассажа предполагают у Плутарха ошибку, путаницу или искажение. Представляется, однако, что это свидетельство не только имеет смысл именно в том виде, в котором оно до нас дошло, но и позволяет немного прояснить довольно загадочный эпизод с анонимными письмами, полученными Крассом. Рассмотрим, что еще известно нам об этих событиях.

В жизнеописании Цицерона (15) Плутарх приводит некоторые подробности: в этот день после обеда Крассу подали письма, доставленные каким-то неизвестным и предназначенные разным лицам. Красс вскрыл только послание, адресованное ему самому: его автор сообщал, что Катилина готовит резню, и советовал ему покинуть город. Красс сразу отправился домой к Цицерону в обществе Марка Марцелла и Метелла Сципиона и отдал ему все письма. На следующий день Цицерон созвал заседание сената, раздал письма адресатам и велел вскрыть их и прочесть вслух. Все они извещали о злодейских замыслах Катилины. Затем преторий Квинт Аррий сообщил, что в Этрурии собираются отряды, а также пришло известие, что шайка Манлия бродит вокруг этрусских городов. После этого сенат принял чрезвычайное постановление (senatus consultum ultimum) и поручил консулам позаботиться, чтобы государство не претерпело ущерба.

⁵ Marshall 1974, 807–808

⁶ Ramsey 2007, 187.

⁷ Pelling 1985, 324–325, n. 45.

⁸ Bertinelli 1993, 378.

⁹ В тексте в этом месте предполагается пропуск (καὶ προσήλθεν ἄνθρωπος ὀνομάζων <...> ἀπὸ τῆς συνωμοσίας, οὐδεὶς δ' ἐπίστευσεν), однако очень маловероятно, что там упоминался Цицерон, так как следующее предложение начинается словами «Также и Цицерон...» (Ὅμως δ' ὁ Κικέρων...). Скорее всего, там пропущено местоимение «его» (αὐτόν) Schäfer 1830, 177.

Дион Кассий (XXXVII. 31. 1–2) пишет: «Когда они (Катилина и его сторонники. — *О.Л.*) это готовили, Цицерону стало известно сперва происходящее в Городе — из неких писем, которые не раскрывали автора и были переданы Крассу и некоторым другим из могущественных людей, и на их основании было принято постановление о том, что имеет место волнение и учреждается розыск виновных в нем, а затем — сведения из Этрурии [о собираемых там войсках], и было дополнительно решено [вверить] консулам охрану города и всех его дел, согласно обычаю; ведь к этому постановлению было приписано, чтобы они позаботились о том, чтобы государству не был нанесен ущерб»¹⁰.

Отсюда видно, что обнаружение анонимных писем послужило непосредственным основанием для объявления в городе состояния мятежа (*ταραχή*, т.е. *tumultus*), и, видимо, одним из оснований для принятия *senatus consultum ultimum*, предоставлявшего консулам чрезвычайные полномочия. Проблема датировки этих решений сената (21 или 22 октября 63 г.) и связанная с ней проблема датировки первой речи против Катилины (7 или 8 ноября 63 г.) вызвала в литературе обширную дискуссию¹¹. Подробное рассмотрение всех доводов выходит за рамки данной статьи, однако один из аспектов проблемы имеет важное значение для дальнейшей аргументации. К. Йон и Т.Р. Холмс интерпретируют *πρότερα* и *δεύτερα* у Диона Кассия как указание на то, что два постановления — о том, что имеет место мятеж (*tumultus*), и о предоставлении консулам чрезвычайных полномочий, — были приняты на двух последовательных заседаниях сената, состоявшихся 21 и 22 октября 63 г.¹² Однако Ф. Поттер выдвинул против данной трактовки серьезные аргументы и, в частности, показал, что выражения, использованные Дионом Кассием (*πρότερα... δεύτερα... προσηψίσαντο*), скорее соответствуют двум тесно связанным постановлениям, принятым на одном и том же заседании, которое он датирует 21 октября¹³. Против гипотезы о двух отдельных заседаниях сената выступает и О. Тодд: именно 21 октября Цицерон предсказал, что восстание в Этрурии начнется 27 октября (*Cic. Cat. I. 7*); следовательно, именно в этот день в сенате обсуждалось положение дел в данной области, а по итогам этого обсуждения, согласно Плутарху и Диону Кассию, и было принято чрезвычайное постановление¹⁴. В дальнейшем я исхожу из этой реконструкции событий: она предполагает, что Цицерону были вручены чрезвычайные полномочия на том самом заседании

¹⁰ παρὰσχευαζομένων οὖν ταῦτα αὐτῶν, μὴνύεται τῷ Κικέρωνι πρότερα μὲν τὰ ἐν τῷ ἄστει γινόμενα διὰ γραμμάτων τινῶν, ἃ τὸν μὲν γράψαντα οὐκ ἐδήλου, τῷ δὲ δὴ Κράσσῳ καὶ ἄλλοις τισὶ τῶν δυνατῶν ἐδόθη, καὶ ἐπ' αὐτοῖς δόγμα ἐκυρώθη, ταραχὴν τε εἶναι καὶ ζητήσιν τῶν αἰτίων αὐτῆς γενέσθαι· δεύτερα δὲ τὰ ἀπὸ τῆς Τυρσηνίδος, καὶ προσηψίσαντο τοῖς ὑπάτοις τὴν φυλακὴν τῆς τε πόλεως καὶ τῶν ὅλων αὐτῆς πραγμάτων, καθάπερ εἰώθεσαν· καὶ γὰρ τούτῳ τῷ δόγματι προσηγράφη τὸ διὰ φροντίδος αὐτοῦς σχεῖν ἀφορμήσαντος, τὴν τε χώραν αὐτῆς κατέδραμε...

¹¹ Календарные даты выводятся из плохо согласующихся между собой упоминаний о числе дней, прошедших между принятием чрезвычайного постановления сената и первой речью Катилины (*Cic. Cat. I. 4* — *vicesimum iam diem*; *Ascon. 6* — *octavus decimus dies*, с указанием на неточность самого Цицерона) и даты самой этой речи, которая устанавливается на основании пассажей *Cic. Cat. I. 1*; *4*; *Sull. 52*.

¹² John 1887; Holmes 1918, 16, n. 1; 1923, I, 458, n. 5. Эту точку зрения принимает А. Уорд (Ward 1977: 181–182, n. 29).

¹³ Potter 1925, 169–172.

¹⁴ Todd 1952, 158–159, см. там же возражения против использования в качестве подтверждающей параллели пассажа *Dio Cass. XLI. 3. 3*; аналогичную аргументацию об Этрурии см. Ramsey 2007, 141.

сената, на котором были обнародованы письма, полученные Крассом, как и сообщает Плутарх (Cic. 15. 4–5).

Следует отметить еще один существенный момент. Сами по себе предъявленные Крассом письма – анонимные и неизвестно кем доставленные – формально имели не бóльшую доказательную силу, чем уверения Цицерона о грозящей государству опасности и донесения его тайных агентов среди заговорщиков. Однако они все же послужили основанием для первых решительных мер сената. Причина, как представляется, в том, что сенат впервые получил подтверждение существования заговора от независимого источника, обладающего большой *auctoritas* и в прошлом дружественного Катилине¹⁵. Таким образом, не сами письма как таковые, но скорее поступок Красса переломил политическую ситуацию.

Кто написал эти письма и с какой целью? Проще всего предположить, что это сделал кто-то из сообщников Катилины, испугавшийся радикальных планов заговорщиков и пожелавший предупредить некоторых своих друзей¹⁶. Однако данная гипотеза, несмотря на ее очевидность, вызывает ряд возражений. С одной стороны, вряд ли правдоподобно, что жертвой резни предстояло стать Крассу, который ранее поддерживал Катилину на консульских выборах (Ascon. 82–83)¹⁷. С другой стороны, говоря о других адресатах писем, Дион Кассий называет их οἱ δυνατοί – «могущественные люди», «власть имущие»; Э. Кэри переводит это слово как *optimates*¹⁸. Трудно предположить, какие из влиятельных людей этого времени, кроме, возможно, Красса и Цезаря (имя которого нигде не связывается с данными письмами), могли быть друзьями заговорщиков, которых те попытались бы спасти от резни, – источники не дают нам никаких указаний на это. Далее, непонятно, почему все письма, адресованные разным лицам, были доставлены домой к Крассу¹⁹. А. Уорд допускает, что автор писем не хотел разносить их по домам лично или через раба, опасаясь быть застигнутым, и рассчитывал, что Красс сам передаст их адресатам²⁰. Однако если бы Красс так поступил, он навлек бы на себя обоснованное подозрение в связях с заговорщиками, – и неудивительно, что он предпочел передать документы консулу, что неизбежно влекло за собой их обнародование. Как справедливо отмечает Штерн, это ставило под угрозу весь план заговорщиков²¹. Наконец, почему Красс явился к Цицерону в сопровождении Марцелла и Метелла Сципиона?

¹⁵ Gruen 1974, 68.

¹⁶ Stockton 1971, 114; Marshall 1976, 78; Ward 1977, 182; Piegdon 2014, 121.

¹⁷ П. Брант и Р. Сигер ставят под сомнение это сообщение Аскония (Brunt 1957; Seager 1964, 346–347). Однако оно хорошо согласуется с намеком Цицерона в речи «В белой тоге» (Ascon. 93, ср. Sall. Cat. 19.1); другие доводы в защиту достоверности этих сведений Аскония см. Ward 1977, 145–151; Rawson 1991, 410–415.

¹⁸ Cary 1914, 149. Об употреблении οἱ δυνατοί у Диона Кассия ср. XXXVI. 24. 3 и 5 (противники трибуна Габиния), 43. 1 и 44. 1 (противники трибуна Манилия), 43. 4 (противоположность плебсу, τὸ πλῆθος); XXXVII. 46. 1 и 51. 1 (противники Клодия в деле Доброй богини); 49. 2 (противники наделения ветеранов Помпея землей и утверждения его распоряжений); XXXVIII. 1. 1, 3; 2. 2 (противники Цезаря в его консульство); 29. 3 (союзники Цицерона, на которых он рассчитывает во время изгнания).

¹⁹ Дион Кассий, правда, сообщает, что письма были переданы не только Крассу, но и другим лицам, однако К. Декнател привел убедительные аргументы в пользу того, что сведения Плутарха более достоверны: Deknatel 1901, 35, n. 2.

²⁰ Ward 1977, 182.

²¹ Stern 1883, 86.

Чтобы ответить на некоторые из этих вопросов, были выдвинуты две других гипотезы об авторстве данных писем. Первая из них была предложена К. Декнателом и поддержана другими авторами²². По их мнению, Красс сам написал эти письма (либо добился от своих знакомых заговорщиков, чтобы они были написаны) и передал их Цицерону. К. Декнател полагает, что вряд ли Красс осмелился бы передать Цицерону нераспечатанные письма, если бы не знал заранее их содержания: ведь в них вполне могли содержаться сведения, способные ему повредить. Эта гипотеза позволяет объяснить, почему у Красса оказались письма, адресованные другим лицам: он не рискнул рассылать их, опасаясь, что его раб будет задержан²³. А. Уорд указывает на то, что важные сведения о заговоре Катилины Цицерону предоставили также союзники Красса: Цезарь (Suet. Iul. 17. 2) и Аррий (Plut. Cic. 15. 5)²⁴.

Зачем Красс так поступил? Высказывалось предположение, что он хотел содействовать подавлению заговора, опасного для его положения в государстве²⁵ или очистить себя от подозрений в соучастии²⁶. Именно этими мотивами Плутарх (Cic. 15. 3) объясняет, почему Красс немедленно передал письма Цицерону, и действительно, вполне можно допустить, что его союзники Цезарь и Аррий руководствовались ими же, хотя и пошли разными дорогами. Но как раз на их фоне стратегия Красса выглядит несколько странно. В источниках нет сообщений о том, что Цезарь или Аррий предъявляли фальшивые или сфабрикованные улики против заговорщиков. Напротив, сведения Аррия об армии, набираемой в Этрурии, соответствовали действительности и, по-видимому, были уже известны Цицерону по другим каналам²⁷. Сам Аррий выступил в сенате открыто, причем, насколько можно судить по сообщению Плутарха, от него не потребовалось документальных подтверждений или свидетельских показаний – скорее, он сам играл роль свидетеля²⁸. Если цель Красса состояла в том, чтобы бросить свою *auctoritas* на одну из чаш весов и предостеречь сенат о грозящей опасности, то он вполне мог бы ограничиться аналогичным заявлением, и ему не было нужды фальсифицировать письма, которые (как уже говорилось выше) сами по себе все равно ничего не доказывали.

Впрочем, у Красса, как и у Цезаря, вероятно, были основания воздержаться от подобной стратегии. Цезарь сообщил сведения о заговоре Цицерону частным образом, что стало известно лишь в следующем году, после подавления заговора, когда Цезарь был обвинен в соучастии, а Цицерон свидетельствовал в его пользу (Suet. Iul. 17. 2). Но именно потому, что его поступок не был публичным и не повлек за собой никаких обсуждений в сенате, постановлений и иных государственных мер, его вряд ли правомерно сопоставлять с поступком Красса. Обнародуя обличительные письма, Красс давал в руки Цицерону оружие против заговорщиков и

²² Deknatel 1901, 35–37; Hardy 1916, 194; Ward 1977, 178–186.

²³ Deknatel 1901, 35–37.

²⁴ Ward 1977, 185–186.

²⁵ Hardy 1916, 194

²⁶ Deknatel 1901, 35–37.

²⁷ На заседании 21 октября Цицерон предсказал, что восстание в Этрурии начнется 28 октября (Cat. I. 7); на этом же заседании сделал свое сообщение и Аррий (см. выше).

²⁸ Насколько известно, осведомленность Аррия о действиях и планах заговорщиков не навлекла на него никаких подозрений в причастности к заговору.

неминуемо навлекал на себя их ненависть²⁹. Открыто выступая против недавнего союзника, политическая судьба которого была еще далеко не предрешена, а преступные замыслы – не вполне доказаны (ср. Sall. Cat. 29. 1), Красс рисковал приобрести репутацию вероломного человека. Катилина имел значительную поддержку среди определенных групп населения – обедневшие аристократы, сельский и отчасти городской плебс (Cic. Cat. II. 18–23; Mur. 49–50; Cael. 13–14), – и симпатии этих граждан, по-видимому, представляли для Красса ценность (Sall. Cat. 48. 8; Plut. Crass. 7. 2–5, 7; Comp. Nic. et Crass. 1. 2). Как отмечает Д. Стоктон, Красс и Цезарь ассоциировались с реформаторскими проектами 60-х годов, часть которых поддерживали также Катилина и его сторонники (открыто или по умолчанию)³⁰. В IV речи против Катилины (10) Цицерон обвиняет Красса в том, что он, желая считаться другом народа (popularis), не явился на заседание сената, где решалась судьба заговорщиков, потому что не хочет выносить смертный приговор римским гражданам³¹.

Наконец, обнародование писем все же не позволило Крассу полностью очиститься от подозрений в связях с Катилиной. Э. Харди пишет, что если бы предупреждение получил только Красс, то он выглядел бы сообщником Катилины, но поскольку адресатов было несколько, то это его не компрометировало³². Однако сам тот факт, что все письма доставили именно в дом Красса, уже выглядел подозрительно. На заседании сената 4 декабря 63 г. (на следующий день после ареста Лентула, Цетега и других катилинариев) некий Тарквиний назвал его в числе заговорщиков. Сенат признал этот донос ложным. Однако, как сообщает Саллюстий, не все сенаторы сочли Тарквиния лжецом: многие поверили ему, но не решились выступить против могущественного сенатора, а многие просто были обязаны Крассу как частные лица (Sall. Cat. 48). Примечательно, что Саллюстий никак не связывает решение сената, оправдывающее Красса, с письмами, обличающими Катилину, которые Красс ранее обнародовал.

Таким образом, вряд ли Красс стал бы затевать столь сложную интригу: издержки от нее были бы велики, а выгоды – сомнительны. Для того, чтобы воспрепятствовать планам Катилины, фальсификация писем была избыточна, а для того, чтобы очиститься от подозрений – недостаточна и даже контрпродуктивна. Поэтому А. Уорд предполагает у него более сложный замысел: Красс и Цезарь по его мнению, намеренно обостряли существующий кризис, так как рассчитывали для его подавления получить империй и армию, необходимые им в преддверии

²⁹ Вряд ли можно согласиться с мнением К. Декнатела о том, что Красс не навлек на себя вражды Катилины, так как чрезвычайное постановление сената не имело непосредственного эффекта, и Катилина не был ни арестован, ни обвинен: Deknatel 1901, 36. Даже не имея бесспорных доказательств существования заговора, Цицерон, угрожая своими чрезвычайными полномочиями, вынудил Катилину покинуть город (Cic. Cat. I. passim, особ. 2–5), и у того были серьезные основания для претензий к Крассу.

³⁰ Stockton 1971, 132. По-видимому, прежде всего имеется в виду аграрный законопроект Рулла и предоставление гражданства транспаданцам. О социальных целях и социальной базе Катилины см. Yavetz 1963; Wiseman 1994, 346–349; Stewart 1995; Bugaeva 2005; Santangelo 2007, 183–188. О поддержке Крассом популярных мер в этот период см. Brunt 1988, 482; Cadoux 2006, 616.

³¹ Имя Красса не названо, однако речь идет о нем, что убедительно продемонстрировал Т. Каду (Cadoux 2006, 612–618, с библиографией).

³² Hardy 1916, 194

возвращения Помпея с Востока (здесь исследователь следует за гипотезой, высказанной ранее Э. Сэлмоном³³).

Действительно, можно согласиться как с тем, что во второй половине 60-х годов Красс и Цезарь минимум дважды предпринимали попытки добиться империя (сперва в 65 г., когда был поставлен вопрос о присоединении Египта, затем в конце 64 – начале 63 гг., когда был выдвинут аграрный законопроект Сервилия Рулла), так и с тем, что эти и некоторые другие их предприятия представляли собой подготовку к возвращению Помпея, которому они желали противостоять с позиции силы, хотя и не обязательно силовым путем³⁴. Однако крайне сомнительно, что в октябре 63 г. Красс или Цезарь могли рассчитывать получить империй против Катилины.

Во-первых, как уже не раз указывалось выше, ранее они поддерживали Катилину на консульских выборах, и подозрения в том, что они как-то причастны к его замыслам, сохранялись, – поэтому они были бы не самыми подходящими кандидатами для такого поручения. Оба консула находились в это время в Риме, и наиболее вероятной реакцией сената на сообщение о готовящемся мятеже в Риме и Италии должно было стать предоставление консулам чрезвычайных полномочий – что и произошло в действительности. Впрочем, консул Гай Антоний тоже был не свободен от подозрений в связях с Катилиной; однако Цицерон к этому времени заручился некоторыми гарантиями его лояльности, заключив с ним соглашение о провинциях (Cic. Leg. Agr. II. 37; Pis. 5; Sall. Cat. 26. 4; Plut. Cic. 12), чего нельзя сказать о Крассе. По крайней мере, при выборе командующего против Катилины Антоний имел то преимущество перед Крассом, что занимал высшую магистратуру и был наделен империем, следовательно, его назначение не требовало создания чрезвычайного командования и поручения его частному лицу.

Даже если бы сенат считал консулов неспособными справиться с мятежом (Цицерона – из-за несклонности к военному делу, Гая Антония – из-за нелояльности), в рассматриваемое время имелось достаточно должностных лиц, наделенных империем: в городе было восемь преторов, пятеро из которых затем действительно боролись с мятежниками в Италии и Риме³⁵, а в окрестностях Города ожидали триумфа два проконсула, которые также получили поручения охранять отдельные области Апеннинского полуострова³⁶.

Правда, ранее Красс и/или Цезарь дважды все-таки пытались получить экстраординарный империй: в 65 г., когда Красс и Цезарь добивались присоединения Египта к Риму, Красс был цензором, Цезарь – эдилом; в 63 г., когда они намеревались войти в децемвират, учреждаемый законом Рулла, оба были частными

³³ Ward 1977, 183–185; Salmon 1935, 310–315. Сам Э. Сэлмон не утверждает, что анонимные письма, переданные Цицерону, были фальсифицированы Крассом и вообще не ставит вопрос об их происхождении. Ср. Deknatel 1901, 37, где тоже высказано предположение, что Красс тайно подстрекал Катилину. М. Гельцер согласен, что Красс надеялся получить империй против Катилины, хотя и не приписывает ему подстрекательство заговорщиков: Gelzer 1926, 313. Некоторые возражения против гипотезы Э. Сэлмона см. Marshall 1976, 89, n. 65.

³⁴ Salmon 1935, 302–310; Ward 1977, 128–168.

³⁵ Метелл Целер, Помпей Руф, Гай Помптий, Валерий Флакк и Гай Сульпиций; ссылки на источники см. Broughton 1951, 2, 166–167. Правда, один из преторов – Лентул Сура – был в числе руководителей заговора.

³⁶ Кв. Марций Рекс был направлен в Этрурию, Кв. Метелл Критский – в Апулию: Sall. Cat. 30. 3.

лицами (Cic. Leg. Agr. I. 1; Pl. 44; Suet. Iul. 11. 1; Plut. Crass. 13. 2; Schol. Bob. 91–92 St.). В обоих случаях они действовали через плебейских трибунов и народное собрание, и Э. Сэлмон считает, что осенью 63 г. предполагался такой же план действий³⁷. Но, передавая Цицерону письма, обличающие Катилину, Красс тем самым предоставлял решение всего дела на усмотрение сената, и после постановлений, вынесенных им 21 октября, вряд ли было возможно какое-либо вмешательство народного собрания. Более того, именно Цицерон в предыдущих случаях заблокировал инициативы Красса и Цезаря³⁸, и маловероятно, что в 63 г. Красс стал бы рассчитывать на его содействие.

Э. Сэлмон, однако, указывает, что осенью 63 г. Цезарь был избранным претором на 62 г., и его союзник Красс мог надеяться на то, что если консулы 63 г. окажутся некомпетентны, то командование будет предоставлено ему³⁹. Однако такие расчеты, пожалуй, были бы чересчур шатки. Во-первых, до вступления Цезаря в должность оставалось больше двух месяцев, и существовала вероятность того, что заговор Катилины за это время будет подавлен. Во-вторых, если бы консулы 63 г. оказались некомпетентны, то их естественными преемниками по командованию должны были стать не преторы, а консулы 62 г., один из которых – Мурена – был опытным военным (Cic. Mur. 11–12; 20; 32; 34)⁴⁰. В третьих, если даже консулы 62 г. по каким-то причинам не смогли бы решить эту задачу, преторов 62 г. тоже было восемь, и никто не мог гарантировать, что борьба с мятежниками будет поручена именно Цезарю, которого также подозревали в сговоре с Катилиной. Действительно, в 62 г. подавлением остатков мятежа занимались два претора – Квинт Цицерон и Бибул (Oros. VI. 6. 7), но у нас нет никаких сведений о том, что Цезарь хотя бы пытался получить данное поручение.

Таким образом, трудно признать правдоподобными планы, которые А. Уорд вслед за Э. Сэлмоном приписывает Крассу: крайне маловероятно, что осенью 63 г. он рассчитывал на получение чрезвычайного командования против Катилины и с этой целью сфальсифицировал письма, обличающие заговорщиков.

Рассмотрим теперь третью гипотезу об авторстве этих писем, которая была выдвинута Э. Штерном и поддержана У. Хейтлэндом; недавно ее также признала наиболее вероятной Б. Левик⁴¹. Штерн считает весьма вероятным, что анонимные письма были подделаны Цицероном, который преследовал сразу две цели. С одной стороны, он желал таким образом выяснить, какую позицию Красс занимает в отношении заговорщиков и насколько далеко готов зайти в поддержке их планов. Если бы Красс скрыл эти письма, то Цицерон мог быть уверен, что он участвует в заговоре. С другой стороны, консул желал подтолкнуть сенат к решительным мерам против заговорщиков, и если бы Красс решил обнародовать полученные письма, то они стали бы основанием для принятия этих мер⁴². У. Хейтлэнд добавляет к этому, что если бы Красс решил утаить письма, то могло бы обнаружиться что-то еще, и он выглядел бы сообщником заговорщиков⁴³. Исследователь, впро-

³⁷ Salmon 1935, 311.

³⁸ Подробнее см. Ward 1972.

³⁹ Salmon 1935, 311.

⁴⁰ В ноябре 63 г. Красс защищал Мурену от обвинения в нарушениях при соискании (Cic. Mur. 10, 48) и тем самым помогал ему сохранить консульство – следовательно, оно не мешало его планам.

⁴¹ Levick 2015, 64–66. О такой возможности упоминает также Л. Фецци (Fezzi 2010, 89).

⁴² Stern 1883, 85–86.

⁴³ Heitland 1909, 96

чем, не конкретизирует свою мысль (что именно могло бы обнаружиться и как это изобличало бы Красса).

Представляется, что данные соображения можно дополнить. Обнародование писем Крассом было выгодно Цицерону не только потому, что в результате сенат встревожился и предоставил консулам чрезвычайные полномочия, но и потому, что это вбивало клин между Крассом и заговорщиками. После того как Красс официально отмежевался от своих прошлых союзников, остатки доверия между ними должны были окончательно разрушиться, а всякое сотрудничество — сильно затрудниться. Это облегчало Цицерону задачу борьбы с Катилиной и его сторонниками.

А. Уорд выдвигает против этой гипотезы два возражения: во-первых, такая игра была бы для Цицерона слишком рискованной, так как Красс мог разоблачить его обман; во-вторых, эта игра ничего не дала бы, если бы Красс просто сжег полученные письма⁴⁴.

Чтобы ответить на второе возражение, следует несколько конкретизировать предположение У. Хейтлэнда о том, чего мог опасаться Красс в связи с этими посланиями. Получив комплект из нескольких запечатанных писем, лишь одно из которых было адресовано ему, а остальные — другим влиятельным сенаторам, Красс не мог быть уверен в том, что другие адресаты не получили идентичные комплекты, включающие письма, адресованные ему. Если бы на следующий день выяснилось, что остальные получатели передали улики против заговорщиков консулу, то на Красса действительно пали бы серьезные подозрения в соучастии в заговоре. Против него свидетельствовал бы не какой-то никому не известный доносчик⁴⁵, но его собственные действия (точнее, бездействие). Конечно, Красс обладал большим влиянием в сенате, однако вряд ли мог быть полностью уверен в своей безопасности в случае принятия *senatusconsultum ultimum*. Это — одна из причин, почему он не мог просто сжечь эти письма.

Рассмотрим теперь роль Метелла Сципиона и Марцелла в этом инциденте. А. Уорд предполагает, что они могли быть в числе адресатов писем, доставленных Крассу⁴⁶. Но если письма были адресованы им, то неясно, почему они их сразу же не вскрыли, и в любом случае остается вопрос, почему именно их, а не других адресатов, Красс решил побеспокоить поздно вечером. Более правдоподобным представляется предположение Е. Линдерского о том, что Марцелл и Сципион должны были засвидетельствовать факт передачи писем консулу⁴⁷. Отсюда исследователь делает вывод, что Метелл Сципион и Марцелл были городскими квесторами, так как в их обязанности входил надзор за государственными документами, передаваемыми в казну. Однако вряд ли так можно охарактеризовать анонимные письма с предупреждением о заговоре, адресованные частному лицу, которые к тому же передавались не в казну, а консулу. Метелл Сципион был консулом 52 г., следовательно, он должен был родиться не позднее 95 г.; в этом случае он имел право занимать квестуру в 64 г. (хотя, конечно, мог по какой-то причине и задержаться). Марцелла Е. Линдерский уверенно идентифицирует с квестором Марцеллом, которому Катон в последний день своей квестуры не позволил необоснованно

⁴⁴ Ward 1977, 182.

⁴⁵ Ср. *quidam L. Tarquinius* (Sall. *Cat.* 48. 3) — о Тарквинии, словам которого не поверил сенат.

⁴⁶ Ward 1977, 181.

⁴⁷ Linderski 1996, 148, n. 14. За ними следует Б. Левик (Levick 2015, 63).

выплатить крупную сумму из казначейства (Plut. Cat. Min. 18. 5–8). Однако согласно Плутарху, Марцелл был квестором вместе с Катоном, т. е. в 64, а не 63 г.⁴⁸

Присутствие Марцелла и Сципиона может иметь более простое объяснение: письма были доставлены Крассу после обеда (μετὰ δεῖπνον, Plut. Cic. 15. 2). Возможно, Метелл Сципион и Марцелл были приглашены на этот обед и оказались свидетелями получения писем⁴⁹. Хозяин же предложил гостям вместе отправиться к Цицерону, чтобы они убедились, что все документы надлежащим образом переданы консулу. Если письма были доставлены Крассу в присутствии свидетелей, один из которых – Марцелл – был близким другом Катона (Plut. Cat. Min. 18. 6–8), то утаить их было бы для Красса еще опаснее.

С другой стороны, возникает вопрос: если бы Красс и заподозрил обман, каким образом он мог бы разоблачить Цицерона? Письма не были подписаны, их податель немедленно скрылся, и у Красса не было никаких доказательств против консула и никаких оснований предъявлять ему претензии. Однако он оказался в положении, когда наиболее разумным и безопасным решением было передать письма консулу, что он и сделал⁵⁰.

Вернемся теперь к сообщению Аррия о вооруженных отрядах в Этрурии, которое он сделал на следующий день на заседании сената, после того, как анонимные письма были прочитаны и сенат принял постановление о том, что в государстве имеет место мятеж (Plut. Cic. 15. 5, ср. Cass. Dio XXXVII. 31. 2). Аррия Цицерон называет «как бы подголоском» (*quasi secundarius*) Красса (Cic. Brut. 242), подразумевая, видимо, что он часто выступал субскриптором в судебных делах, где главным оратором был Красс⁵¹. По всей видимости, выступление Аррия в сенате тоже связано с заявлением Красса о разоблачительных письмах. Это могло быть его собственное решение, принятое после обнародования анонимных писем и не согласованное с Крассом. Как уже говорилось выше, оба донесения, видимо, были сделаны на одном и том же заседании сената, и Аррий, возможно, просто счел полезным и своевременным обнародовать известную ему информацию после того, как его союзник Красс сделал то же самое. С другой стороны, выступление Аррия могло быть спланировано и до начала заседания: принимая решение передать письма Цицерону, Красс должен был понимать, что идет на открытый разрыв с заговорщиками и навлекает на себя их вражду. С этого момента он был заинтересован в скорейшем подавлении заговора, а сообщение Аррия в конечном счете привело к предоставлению консулам чрезвычайных полномочий против заговорщиков.

Так или иначе, но выступление Аррия не позволяет решить вопрос об авторе и цели анонимных писем, полученных Крассом: Аррий, по всей вероятности, просто последовал примеру своего союзника в разоблачении заговорщиков – по договоренности с ним или по собственной инициативе. Следует признать, что в

⁴⁸ Е. Линдерский полагает, что рассказ Плутарха имеет гораздо больше смысла, если датировать квестуру Марцелла следующим годом. Представляется, что это не так: Марцелл и Катон явно обладают квесторскими полномочиями одновременно (один вносит запись в документ, второй ее стирает). История заканчивается тем, что Катон уводит Марцелла из казначейства домой; но если бы квестура Марцеллу только предстояла, то это было бы бесполезно: он вполне мог бы выплатить деньги в любой другой день следующего года.

⁴⁹ Младший сын Красса к этому времени уже мог быть обручен с дочерью Метелла Сципиона, см. Lyubimova 2013, 31–32.

⁵⁰ Frish 1948, 34.

⁵¹ Ward 1977, 185–186, там же см. о других указаниях источников на дружбу Аррия с Крассом.

источниках вообще не содержится указаний, позволяющих однозначно разрешить этот вопрос – можно говорить лишь о той или иной вероятности каждого из трех вариантов. Тем не менее представляется, что свидетельство Плутарха (Crass. 13. 3–5) позволяет исключить один из вариантов и понять, как смотрел на эту проблему сам Красс. Плутарх напрямую связывает ненависть Красса к Цицерону и инцидент с письмами. Эта ненависть объяснима лишь в том случае, если сам Красс считал данные письма провокацией Цицерона, рассчитанной на то, чтобы вынудить его к публичному выступлению против катилинариев (чего Марк Лициний, как было показано выше, вряд ли мог желать) и получить таким образом чрезвычайные полномочия. Неизвестно, был ли Красс прав или ошибался, но если он предполагал, что разоблачительные письма написаны Цицероном, отсюда можно по крайней мере сделать вывод, что сам он их не писал. Если в связи с этими письмами Красс задался вопросом «кому выгодно?», то Цицерон был довольно очевидным кандидатом, а память о прежнем противостоянии с ним (в египетском вопросе, во время консульских выборов на 63 г., по поводу законопроекта Сервилия Рулла) должна была лишь усилить подозрения Красса.

Данную интерпретацию косвенно подтверждает пассаж из Саллюстия (Cat. 48. 3–9). Рассказав о Тарквинии, который 4 декабря 63 г. в сенате обвинил Красса в подстрекательстве Катилины, но по решению сената был арестован за клевету, Саллюстий излагает подозрения, которые вызвало это выступление: «Тогда кое-кто полагал, что все это придумал Публий Автроний, чтобы, назвав Красса, легче было ввиду опасности для всех могуществом его прикрыть остальных заговорщиков. По мнению других, Тарквиния подослал Цицерон, чтобы помешать Крассу, как он обычно делал, защищая дурных граждан, вызывать смуту в государстве. Сам Красс, как я потом слышал, утверждал, что столь оскорбительное обвинение на него возвел Цицерон»⁵² (пер. В.О. Горенштейна). Отсюда следует, что в описываемое время Цицерона подозревали в провокациях такого рода⁵³, и Красс не просто разделял эти подозрения, но был настолько в них уверен, чтобы высказывать их публично – впрочем, лишь несколько лет спустя после событий⁵⁴.

А. Уорд, впрочем, считает, что оскорбление, якобы нанесенное Крассу Цицероном, – это не обвинение со стороны Тарквиния, а обвинение в том, что он вообще имеет обыкновение защищать дурных граждан⁵⁵. Исследователь, однако, не пояс-

⁵² Erant eo tempore, qui existumarent indicium illud a P. Autronio machinatum, quo facilius appellato Crasso per societatem periculi reliquos illius potentia tegeret. Alii Tarquinium a Cicerone inmisum aiebant, ne Crassus more suo suspecto malorum patrocínio rem publicam conturbaret. Ipsum Crassum ego postea praedicantem audiui tantam illam contumeliam sibi ab Cicerone inpositam.

⁵³ Во второй половине 63 г., в ходе противостояния Цицерона и Катилины сенату и обществу в целом долгое время приходилось полагаться только на слова консула, который не имел надежных доказательств против заговорщиков. И тогда, и впоследствии утверждения Цицерона и его источники информации вызывали определенные сомнения, ср.: Cic. Cat. I. 30; II. 14; Att. I. 14. 5; Fam. V. 2; Sall. Cat. 14. 7; 29. 1; Ps.-Sall. In Cic. II. 3; Dio Cass. XXXVII. 29. 3–4; 31. 3. Подробнее см. Waters 1970, 195–215, особ. 208, Seager 1973, 240–248, особ. 244.

⁵⁴ Вероятнее всего, Красс обвинил в этом Цицерона на заседании сената в 55 г. (ср. Dio Cass. XXXIX. 60. 1; Cic. Fam. I. 9. 20); Ramsey 2007, 187). Из современных исследователей подозрения Красса в адрес Цицерона разделяют: Hardy 1916, 208; Garzetti 1996, 123–124. К. Декнател считает их совершенно неправдоподобными (Deknatel 1901, 39–40).

⁵⁵ Ward 1977, 79, n. 24.

няет, почему такое толкование кажется ему более вероятным, и согласиться с ним трудно. Весь этот параграф Саллюстия посвящен доносу Тарквиния, и логично ожидать, что в завершающем предложении речь будет идти о нем же, а не о политической стратегии Красса вообще или его претензиях к Цицерону, не связанных с этим эпизодом. Кроме того, толкование А. Уорда создает довольно неуклюжую конструкцию. Цицерон, по словам Красса, оскорбляет его, заявляя, будто он защищает дурных граждан, а люди, доверяющие этим обвинениям (т.е. *alii*), одновременно считают, что Цицерон подослал Тарквиния, чтобы оклеветать Красса. В одном предложении Саллюстий приводит мнение «иных» о том, что Красс имеет обыкновение защищать дурных граждан; в следующем – мнение Красса, который это отрицает, но данные утверждения никак друг другу не противопоставлены.

Напротив, традиционное толкование данного пассажа⁵⁶, в рамках которого *contumelia*, будто бы нанесенная Цицероном Крассу, – это обвинение Тарквиния, выглядит гораздо более логичным. Пересказав две догадки о причинах доноса Тарквиния, Саллюстий начинает следующее предложение словами *ipsum Crassum*. Естественно воспринять его как изложение мнения самого Красса о проблеме – и при таком истолковании Красс присоединяется ко второй из догадок, что композиционно вполне оправданно. В выражении *tantam illam contumeliam*, как представляется, *tanta* указывает на большую тяжесть обвинения, а *illa* – на то, что оно упомянуто не непосредственно перед этим, а несколько выше. Оба местоимения соответствуют обвинению Красса в том, что он подстрекает Катилину к наступлению на Рим, а не в том, что он имеет обыкновение защищать дурных граждан. Таким образом, следует сделать вывод, что Красс в присутствии Саллюстия утверждал, будто Цицерон при помощи Тарквиния пытался выставить его сообщником Катилины.

В данном случае тоже невозможно определить, кто или что именно побудило Тарквиния выступить с разоблачением Красса⁵⁷, но ясно, что некоторые политики и, вероятно, сам Красс в их числе, считали, что его подослал Цицерон, чтобы бросить на Марка Лициния подозрение в соучастии в заговоре, навлечь на него опасность и тем самым помешать ему защищать арестованных заговорщиков⁵⁸. Реакция Красса на это обвинение оказалась именно такой, какая была бы желательна для Цицерона: на следующий день, 5 января 63 г., он просто не явился на заседание сената, на котором решалась судьба Лентула, Цетега и других сторонников Катилины (*Cic. Cat. IV. 10*; ср. прим. 31). Его союзник Цезарь безуспешно добивался сохранения им жизни в одиночку (*Sall. Cat. 51*), в результате чего в его адрес тоже прозвучали обвинения в соучастии и его жизнь даже подверглась опасности, когда молодые всадники из охраны Цицерона набросились на него с оружием (*Suet. Iul. 14. 2*; *Plut. Caes. 8*; ср. *Cat. 23–24*; *App. BC. II. 6*). По-видимому, Красс расценил – обоснованно или нет – выступление Тарквиния как последнее

⁵⁶ Например, Holmes 1923, 273; Syme 1964, 103–104; Stockton 1971, 132; Batstone 1986, 111; Stone 1999, 58; Grethlein 2006, 320–321; Fezzi 2010, 88–89.

⁵⁷ Впрочем, сами его утверждения о том, что Красс в письме призывал Катилину ускорить наступление на Рим, чрезвычайно неправдоподобны, см., например, Holmes 1923, 473; Marshall 1976, 80; Piegdon 2014, 121. Иное мнение см. Deknatel 1901, 39.

⁵⁸ А. Уорд справедливо указывает, что в планы Цицерона явно не входило предъявление Крассу и Цезарю серьезного и доказательного обвинения и привлечение их к ответственности: Ward 1977, 180; однако все факты, которые он приводит, относятся к 5 декабря 63 г. и последующим событиям; 4 декабря этого еще никто не мог этого знать. См. Garzetti 1996, 123–124.

предупреждение со стороны консула и не пожелал рисковать жизнью и карьерой, чтобы попытаться спасти прежних союзников⁵⁹.

Поведение Красса выглядит еще более логичным, если он счел обвинение Тарквиния не первой, а уже второй провокацией Цицерона в свой адрес⁶⁰. Если 21 октября 63 г. угроза навлечь на себя подозрение в соучастии в заговоре побудила Красса публично выступить против Катилины и подтолкнуть сенат к решительным мерам, то 4 декабря 63 г. прозвучавшее в адрес Красса обвинение в соучастии вынудило его воздержаться от выступления против казни заговорщиков. В конце 63 г. Цицерон избежал открытого конфликта с влиятельным Крассом, который в сложившейся критической ситуации мог быть для Цицерона слишком опасен⁶¹. Однако Красс, по-видимому, не одобрял политику Цицерона, и содействие, которое он ему оказал, было вынужденным и шло вразрез с политическими интересами самого Красса: сперва он публично выступил против своего недавнего союзника Катилины, предоставил изобличающие его письма и содействовал принятию против него чрезвычайного постановления сената; затем уклонился от участия в обсуждении участи арестованных сторонников Катилины, хотя его голос консуляра и цензора в поддержку предложения Цезаря мог бы оказаться решающим⁶². Все это должно было выглядеть как потеря политического лица, и, видимо, это был один из тех эпизодов, которые принесли Крассу репутацию переменчивого политика и ненадежного друга (Plut. Crass. 7. 7).

Поэтому неудивительно, что Плутарх датирует начало вражды Красса к Цицерону именно с инцидента с анонимными письмами, не принимая во внимание их предыдущие столкновения. Сообщение Плутарха, как представляется, не содержит ни фактических ошибок, ни серьезной путаницы, хотя в нем действительно пропущены необходимые пояснения. По-видимому, Красс возненавидел Цицерона, так как считал, что разоблачительные письма были при свидетелях доставлены в его дом по указанию консула, который этим достиг сразу двух целей: окончательно вбил клин между ним и заговорщиками и получил от сената чрезвычайные полномочия. Красс мог расценить этот поступок как переход от обычного политического соперничества к вероломным интригам. Неизвестно, справедливы ли были подозрения Красса в адрес Цицерона: вполне возможно, что консул не имел никакого отношения к анонимным письмам, которые действительно мог прислать кто-то из заговорщиков. Однако, как представляется, свидетельство Плутарха позволяет утверждать, что сам Красс никогда не писал этих писем, ничего не знал о них и мог лишь догадываться об их авторстве.

⁵⁹ Ward 1977, 189–190.

⁶⁰ К этому же выводу приходит Б. Левик в монографии, с которой я не имела возможности ознакомиться, работая над статьей (Levick 2015, 79). Но данная книга имеет популярный характер, и автор не приводит аргументации и не разбирает проблему подробно.

⁶¹ Stockton 1971, 132; Ward 1977, 179–180; однако Б. Маршалл не вполне точен, утверждая, что сенат признал обвинение Тарквиния против Красса ложным по предложению Цицерона: Marshall 1974, 806. Саллюстий сообщает, что это решение было принято *consulente Cicerone* (Cat. 48. 6), т.е. по запросу Цицерона. Возможно, в этом запросе содержалось предложение о признании ложными показаний Тарквиния, но сама его формулировка была определена позицией сенаторов (*conclamant indicem falsum esse deque ea re postulant uti referatur*), см. Bonnefond-Coudry 1989, 459–460. Цицерон лишь выполнил их требование, и вряд ли его можно считать истинным инициатором (*auctor*) принятого решения.

⁶² Gruen 1974, 68.

Литература / References

- Batstone, W. W. 1986: Incerta pro certis: an interpretation of Sallust Bellum Catilinae 48.4–49.4. *Ramus* 15, 105–121.
- Bertinelli, M.G. 1993: A. Commento. La vita di Crasso. In: M.G.A. Bertinelli, C. Carena, M. Manfredini, L. Piccitilli (a cura di), *Plutarco. Le vita di Nicio et di Crasso*. Milano.
- Bonnefond-Coudry, M. 1989: *Le sénat de la République Romaine de la guerre d'Hannibal à Auguste: pratiques délibératives et prise de décision*. Paris.
- Broughton, T.R.S. 1951: *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 2. New York.
- Brunt, P. 1957: Three Passages from Asconius. *The Classical Review*. N.s. 7, 193–195.
- Brunt, P. 1988: *The Fall of the Roman Republic and Related Essays*. Oxford.
- Bugaeva, N.V. 2005: Uchastie postradavshikh ot sullanskikh konfiskatsiy v zagovore Katiliny [The participation of victims of Sullan confiscations in the conspiracy of Catiline]. *Antiquitas iuventae* 1. Saratov, 91–95.
- Бугаева, Н.В. Участие пострадавших от сулланских конфискаций в заговоре Катилины. *Antiquitas iuventae* 1. Саратов, 91–95.
- Cadoux, T.J. 2006: The Absent Senator of 5 December 63 B.C. *The Classical Quarterly* 56, 612–618.
- Deknatel, C. 1901: *De vita M. Licinii Crassi*. Lugduni Batavorum.
- Cary, E. (tr.) 1914: *Dio's Roman History*. Vol. 3. London–New York.
- Fezzi, L. 2010: Documenti e falsi documentari nel I sec. A.C.: il caso della congiura di Catilina. In: P. Castelli, S. Geruzzi (a cura di), *Prima e dopo le Tavole Eugubine: falsi e copie fra tradizione antiquaria e rivisitazioni dell'antico*. Pisa, 87–95.
- Frisch, H. 1948: The First Catilinarian Conspiracy. A Study in Historical Conjecture. *Classica et Mediaevalia* 9, 10–36.
- Garzetti, A.M. 1996: *Scritti di storia repubblicana e augustea*. Roma.
- Gelzer, M. 1926: Licinius (68). In: W. Kroll (ed.), *RE*. Hlbd. 25, 295–331.
- Grethlein, J. 2006: The Unthucydidean Voice of Sallust. *Transactions of the American Philological Association* 136, 299–327.
- Gruen, E. 1974: *The Last Generation of the Roman Republic*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Hardy, E. 1916: A Catilinarian Date. *The Journal of Roman Studies* 6, 56–58.
- Heitland, W.E. 1909: *The Roman Republic*. Vol. 3. Cambridge.
- Holmes, T.R. 1918: Three Catilinarian Dates. *The Journal of Roman Studies* 8, 15–25.
- Holmes, T.R. 1923: *The Roman Republic and the Founder of the Empire*. Oxford.
- John, C. 1888: Der Tag der Ersten Rede Ciceros gegen Catilina. *Philologus* 46, 650–665.
- Levick, B. 2015: *Catiline*. London.
- Linderski, J. 1996: Q. Scipio Imperator. In: J. Linderski (ed.), *Imperium Sine Fine: T. Robert S. Broughton and the Roman Republic*. Stuttgart, 145–185.
- Lyubimova, O.V. 2013: Brachnye soyuzy kak instrument politiki v epokhu Pozdney rimskoy respubliki: sem'ya triumvira Krassa [Marriage Unions as a Political Instrument in the Late Roman Republic (1st Century B.C.): the Family of Crassus the Triumvir]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki [Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]* 3 (117), 22–37.
- Любимова, О.В. Брачные союзы как инструмент политики в эпоху Поздней римской республики: семья триумвира Красса. *Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки* 3 (117), 22–37.
- Marshall, B. 1974: Cicero and Sallust on Crassus and Catiline. *Latomus* 33, 804–813.
- Marshall, B. 1976: *Crassus: a Political Biography*. Amsterdam.
- Moles, J. 1982: Plutarch, Crassus 13, 4–5, and Cicero's *de consiliis suis*. *Liverpool Classical Monthly* 7, 136–137.
- Pelling, C. 1985: Plutarch and Catiline. *Hermes* 113, 311–329.
- Plutarch 1963: *Sravnitel'nye zhizneopisaniya*. T. 2 [*Lives*. Vol. 2]. Moskva.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2. М.
- Piegdoff, M. 2014: *Krassus: Polityk Niespełnionych Ambicji*. Kraków.
- Potter, F.H. 1925: The Date of Cicero's First Oration against Catiline. *The Classical Journal* 21, 164–176.
- Ramsey, J. 2007: *Sallust's Bellum Catilinae*. Oxford.
- Rawson, B. 1991: *Roman Culture and Society*. Oxford.
- Salmon, E. T. 1935: Catiline, Crassus, and Caesar. *The American Journal of Philology* 56, 302–316.
- Santangelo, F. 2007: *Sulla, Elites and the Empire. A Study of Roman Policies in Italy and the Greek East*. Leiden–Boston.
- Schäfer, H. 1830 (ed.): *Plutarchi Vitae*. Vol. 5. Lipsae.

- Seager, R. 1964: The First Catilinarian Conspiracy. *Historia* 13, 338–347.
- Seager, R. 1973: Iusta Catilinae. *Historia* 22, 240–248.
- Stern, E. 1883: *Catilina und die Parteikämpfe in Rom der Jahre 66–63*. Dorpat.
- Stewart, R. 1995: Catiline and the Crisis of 63–60 B.C.: the Italian Perspective. *Latomus* 54, 62–78.
- Stockton, D. 1971: *Cicero. A Political Biography*. Oxford.
- Stone, M. 1999: Tribute to a Statesman: Cicero and Sallust. *Antichthon* 33, 48–76.
- Syme, R. 1964: *Sallust*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Todd, O. J. 1952: Dates in the Autumn of 63 B.C. In: M.E. White (ed.), *Studies in Honour of Gilbert Norwood*. Toronto, 156–162.
- Yavetz, Z. 1963: The Failure of Catiline's Conspiracy. *Historia*. 12, 485–499.
- Ward, A. 1977: *Marcus Crassus and the Late Roman Republic*. Columbia; London.
- Waters, K. H. 1970: Cicero, Sallust and Catiline. *Historia*. 19, 195–215.
- Wiseman, T. P. 1994: The Senate and the Populares, 69–60 B.C. In: J.A. Crook, A. Lintott, E. Rawson (eds), *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. 9. Cambridge, 326–367.